

5. Конш М. Какая философия нужна завтра // Философия и общество. 2004. № 2. С. 175.
6. См.: Там же. С. 185.
7. См.: Там же. С. 184–185.

А. В. Романов
г. Екатеринбург

ВЕРА И НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Понятия «вера» и «религиозность» гораздо более неоднозначны, чем понятие «наука». Сегодня термин «вера», замечает П. Тиллих, скорее способен стать причиной заболевания, чем выздоровления, он запутывает и порождает то скептицизм, то фанатизм, то интеллектуальное сопротивление, то отказ от истинной религии. Понятие «вера» — одно из самых неопределенных и многозначных. В силу этого оно являет собой метафору. Смысл его зависит от парадигмы и контекста интерпретации. Но неопределенность понятия конкурирует с широтой его использования. При этом в рамках обыденного сознания предполагается, что это одно из самых определенных понятий. Зачастую термин «вера» становится средством идеологического воздействия, а религиозные символы — средством манипуляции. Так же не может быть и религии «вообще». «Религиозность» характеризуется, как писал В. Джемс, «многообразием» форм. И «научность» предполагает две различные парадигмы: эмпиризм (позитивизм) и априоризм (трансцендентализм). Корректно соотносить не веру и науку «вообще», а конкретные их типы и формы. Выделим основные парадигмы веры, каждая из которых проявляется как в теистической (утверждение Бога), так и в нетеистической форме.

1) *Вера — теистическая установка.* Под верой понимается и мнение, и убеждение — любая установка, связанная с символикой и утверждением бытия Бога. Верующий — это тот, кто участвует в религиозных обрядах, следует традиционным нормам, посещает церковь. Вера выступает критерием конфессиональной идентичности, отождествляясь с воцерковленностью. «Инославные» не достойны гуманности «правоверных» и самого спасения. Отношение науки к таковой вере носит весьма опосредованный характер.

2) *Вера как эмоция.* Вера понимается как эмоциональная сторона рациональных убеждений. Устойчивые эмоциональные состояния порождают устойчивые образы и соответствующие виды реальности (демонов, богов). Чувства лишены объективных, научных оснований. Для Ф. Шлейермахера религиозная вера индивидуальна, она отражает темперамент, эмоциональный склад личнос-

ти. Объективные знания ей чужды. Она порождается чувством абсолютной зависимости. К ней не применимы понятия истинного и ложного. Она не соотносима с абсолютными ценностями и не связана с наукой.

3) *Вера как установка* последующих восприятия и действия. Еще Т. Гоббс веру в Бога отождествлял с привычкой, внушенной с детства. Вера определяется воспитанием и образованием, традициями общности, с которой идентифицирует себя субъект. Она распространяется на основе подражания. Согласно Д. Юму, вера складывается на основе повторения реакций, впечатлений и является субъективной основой идеи причинности. При повторении опыта образуется привычка ожидать конкретные явления, т. е. вера в их осуществление. Для Ч. Пирса, вера есть исключаящая сомнения привычка, готовность к действию. Образование веры — мнения и привычки — единственная цель мышления. Стремление к такой вере он называет «исследованием», но оно не соответствует ни эмпирической, ни априорной парадигме научности.

4) Парадигма *авторитарной веры* опирается на библейские: «если не поверите, не поймете» (Ис. 7: 9) и «верою познаём» (Евр. 11: 3). Для Августина существует два пути постижения истины и Бога: путь авторитета (религиозный) и путь разума (научный). Во времени первенствует авторитет, а по отношению к существу дела — разум. Следовать науке трудно, это дорога для избранных. Для необразованных двигаться к истине проще посредством авторитета. Это «широкий», церковный путь «спасения». Вера, отождествляясь с доверием, предваряет разумное, научное понимание, будучи ниже его. Это доверие без понимания. Авторитарная вера для Э. Фромма — это подпорка для тех, кто хочет обрести уверенность и готовые ответы на вопросы, не осмеливаясь искать их самостоятельно. Наши ограниченность и бессилие проецируются в образ всесильного Бога, тождественного идола. Этого идола, согласно Фромму, можно превозносить как милосердного Бога, одновременно совершая во имя его любые жестокости.

5) *Рациональная вера* также именуется «интеллектуальной», «гносеологической», «научной», «доказательной». Знания и понимание предваряют веру. Кто верит, не имея оснований для веры, тот, согласно Д. Локку, увлечен собственными фантазиями. Именно данный тип веры наиболее близок к науке в эмпирической парадигме.

Доказательства неочевидного бытия Бога осуществляются через Его атрибуты, наличие которых в мире может определяться

научными исследованиями. Наука понимается как пропедевтика «патуртеологии» и основа «естественного откровения». Классические доказательства бытия Бога Фомы Аквинского хорошо коррелируют с научными исследованиями и открытиями. «Вера» в Бога как Перводвигатель и Творца сущего подтверждается теорией Большого взрыва. «Большое» (по Ф. Бэкону) познание законов мира приводит к доказательству бытия Бога в качестве Первосущности, Необходимости, Совершенства, Гармонии. Проявление безусловной нравственности в человеке подтверждает наличие Бога как Блага. Неверие определяется отсутствием оснований и аргументов. Вера превращает вероятностные, сомнительные, гипотетические суждения в абсолютные, возможное — в действительное. Вера возможна там, где недостаточно знаний, по достижении которых она упраздняется. Вера аналогична убеждению. Она есть «проглатывание» знания без расчленения — целиком. Таковая интуитивная вера есть источник научных аксиом. В зависимости от величины объективных и субъективных оснований у суждения И. Кант выделяет — в порядке нарастания объективной, научной основы — мнение, веру, убеждения и знания. Вера есть признание истинности суждения при достаточности основания с субъективной стороны и недостаточности с объективной. В убеждении объективного основания уже достаточно. И, наконец, и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть знание. Вера Канта ограничивается интеллектом, объективированными, научными формами сознания. В рамках доктринальной веры воспринимаемое целесообразное единство мира подводит к идее Бога как условию этой целесообразности. Предположение существования мудрого творца мира есть условие для стремления чем-то руководствоваться в исследовании природы. Бог тем самым отождествляется с методологическим принципом. Церковная вера, покоящаяся на внешних уставах и законах, в отличие от априорной религиозной веры, по Канту, не является основой нравственности. Таковая вера, по В. Джемсу, — это уверенность в теоретически сомнительном. Из единой посылки следуют два противоположных вывода. Согласно просветительно-атеистической схеме, по мере увеличения информированности человека, приобщения его к знаниям должно происходить вытеснение религиозной веры, или превращение веры в убеждение. И в соответствии с парадигмой просветительно-религиозной расширение непознанного за счет увеличения сферы знания ведет к обратному — углублению и расширению основания веры. В данной парадигме вера понимается как неосуществленное, «недоразвитое» знание. Гносеологичес-

ки предмет веры совпадает с предметом знания. Вера смеет рассуждать о предмете, о котором следует знать. Предмет рациональной веры отождествляется с предметом естественных наук. Предметом же наук является и Бог, Бог как Сущность, Закон, Методологический Принцип, Первоначало. Ученые размышляют о Всевышнем в парадигме именно рациональной веры. Богословие же существует лишь в границах естественной, nature теологии. Предмет веры — законы действительного. Ее основания текучи и изменчивы: они меняются с развитием науки, познания. В эпистемологической вере устраняется противопоставление веры знанию и науке. Эволюция науки не ведет к противоречию веры современному знанию. Верующий доверяет интеллекту. Мышление формирует веру. Вера корректируется теоретически и практически. Она или становится более сомнительной гипотезой, с перспективой опровержения, или же — согласно Спинозе и Канту — через трансформацию в убеждение превращается в несомненное знание. Физикалистские представления древних греков носили характер рациональной веры. Как атомизм Демокрита, так и учение Аристотеля о небесных сферах — пример веры-гипотезы. Первая осталась в тысячелетиях, вторая растворилась в мифологических представлениях. В той же мере «доказательству» бытия Бога служит «палеонтологическая» вера Кювье в то, что останки динозавров — результат неудачного Творения. В том же ряду и вера в то, что Большой взрыв — акт Творения мира из ничего. Гипотетическая вера выступает основой подобных «доказательств». Данного вида «религиозная вера» отличается от «научных убеждений» не основанием, а символическим выражением предмета. Научные обоснования бытия Бога не отличаются от доказательств существования, к примеру, «черных дыр». Наличие «трансцендентного» объекта подтверждается через проявление его атрибутов. У «дыры» — это поглощение материи, у Бога — природные закономерности, космогоническое всемогущество. Атрибуты Бога приобретают технократический характер, вытесняя атрибуты антропологические, нравственные. «Бог ученого» — это Бог не новозаветный, а ветхозаветный, не Бог Сын, но Бог Отец, это лишенный личностных черт Бог-технократ. Вера отождествляется с метафизической составляющей любой науки. Религия, по А. Эйнштейну, являет собой веру в рациональную природу реальности. Религия в данной парадигме идет впереди науки, определяя ее креативную составляющую. Ученые любят Бога в виде значимых для них атрибутов — концепций, методологического принципа, идеи рациональности. Данная вера — это принятие вероятностного по своим основаниям суж-

дения в качестве абсолютного. Она отсеивает невозможное — научно необоснованное.

6) *Вера как абсурд*. Согласно этой концепции (ап. Павел, Тертуллиан, Б. Паскаль, С. Кьеркегор, М. Унамуно, Н. Бердяев, о. П. Флоренский, К. Барт) сила и глубина веры определяются ее несоизмеримостью с разумом, величиной ее парадоксальности и абсурда. Таковая вера произрастает не из доверия авторитету, не из доказательств, а из «высшей жажды субъективности» (Кьеркегор), она проецирует абсолютные для субъекта ценности. Суждения веры для рационального сознания неотличимы от иллюзий и лишены смысла. Для Л. Витгенштейна трудность заключается в том, чтобы понять отсутствие основания у веры. Вера есть нарушение закона достаточного основания. Мы верим в собственное бессмертие, но убеждены, на основании в т. ч. и научных данных, в обратном. И сама вера — насколько это сфера не души, но духа — ускользающий объект, о ней нельзя построить теорию. Вера противится использованию эмпирических методов в ее изучении.

Классическая проблема соотношения веры и знания, дабы избежать идеологичности и манипулятивности, может решаться лишь в плоскости анализа конкретных парадигм прежде всего самой веры.

Е. В. Рыльцев
г. Нижний Тагил

ВЕРА КАК НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ

От эпохи античности до Нового времени вера считалась величайшей ценностью во всей мировой культуре. Мыслители Нового времени отказались от представления о ее значительной роли в науке. Современная эпоха требует переосмыслить отношение к вере.

1. Трудности, связанные с определением веры

Традиционно понятие «вера» определяется с помощью понятия «доказательство». Например: «Вера есть способ знания без доказательств» (С. Н. Булгаков) [1]. При сопоставлении этих понятий могут возникнуть некоторые трудности, о чем замечательно пишет И. Лакатос: «Многих работающих математиков смущает вопрос, чем же являются доказательства, если они не могут доказывать. С одной стороны, они знают из опыта, что доказательства могут быть ошибочными, а с другой, — по своему догматическому углублению в доктрину они знают, что подлинные доказательства должны быть безошибочными. Математики-прикладники обычно